

А. А. КУЗНЕЦОВ

РОМАН Н.И. КОЧИНА «НИЖЕГОРОДСКИЙ ОТКОС» – ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Статья посвящена использованию художественной литературы как исторического источника по истории высшей школы. Исследуется роман Н.И. Кочина «Нижегородский откос». В романе отражены реалии высшей школы в Нижнем Новгороде в 1920-е гг., представлены образы преподавателей педагогического института. Проблема достоверности сведений романа изучается в статье. Автор приходит к выводу, что роман Н.И. Кочина дает сведения о повседневной стороне жизни историков и гуманитариев, но в ряде случаев они сознательно искажены. И задача историков вместе с литературоведами состоит в том, чтобы силу и убедительность данного недостоверного текста превозмочь пропагандой результатов источниковедческого анализа. В противном случае картина прошлого науки будет существенно деформирована.

Ключевые слова: Н.И. Кочин, исторический источник, художественная литература, Нижегородский педагогический институт, Нижегородский университет, В.Л. Комарович, С.И. Архангельский, В.Н. Бочкарев.

Использование художественной литературы как исторического источника не ново. Произведения, созданные современниками изучаемой эпохи, передают дух и колорит времени, детали повседневности... Беллетристика, посвященная людям и конфликтам прошедших времен, служит мериллом того, как воспринимается та или иная эпоха в последующем времени. Особенности художественного произведения как исторического источника расширяются, если в нем присутствуют уникальные автобиографические переживания, то есть если в нем автор творчески отразил свою жизнь или отдельные ее моменты, передал свои впечатления о людях, с которыми встречался, о событиях, свидетелем (участником) которых был. Автобиографическая художественная литература – это не мемуары в источниковедческом смысле. Это – художественная типизация своего опыта и вплетение его в канву реальности вымысла. По таким произведениям зачастую судят о тех или иных событиях, забывая об изначально творческом вымысле. Осмысление своего опыта неизбежно носит субъективный характер. Со временем на это восприятие влияют оценки других людей. Неучет данных обстоятельств ведет к тому, что авторские впечатления в художественном произведении подаются как критерий достоверности.

Эти нюансы использования беллетристики как исторического источника приложимы и к истории науки и высшей школы. Мало писалось о возможности рассматривать художественную литературу именно как кладезь информации о труде ученого, преподавателя, их профессиональной деятельности. Это объясняется тем, что наука задает тональность в освещении своих представителей. Про представителей высшей школы – воспоминания! Мемории оставляются их учениками, младшими коллегами, в ряде случаев представителями общественных мысли и движения, на которых повлиял социально обращенный труд историка. Поэтому пока еще редко ставятся вопросы использования художественной литературы как источника по истории науки и высшей школы.

В данной статье представлен опыт выявления историографической ценности отдельного романа для изучения развития науки, университета и педагогического института в Нижнем Новгороде в XX в. Вопросы студенческой жизни здесь не разбираются.

Ряд положений этой статьи, историографически ориентированной, изложен ранее¹. Основанием для переноса акцента исследования на становление в Нижнем Новгороде высшего образования стало обнаружение новых источников. Поводом же явились вековые юбилеи нижегородских вузов, приходящиеся на второе десятилетие XXI века. В 1911 г. в Нижнем Новгороде открылось среднее профессиональное учебное заведение – Учительский институт, на базе которого в 1918 г. был создан педагогический вуз. Чуть ранее в том же 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет о создании в Нижнем Новгороде университета. Он восходил к Народному университету Нижнего Новгорода, открытому в 1916 г. Преподавательские кадры этих вузов были немногочисленны, а потому совмещали службу в обоих учреждениях до конца 1920-х гг. Занимаясь историей одного вуза, неизбежно исследуешь прошлое другого.

***

Николай Иванович Кочин (1902–1984), выходец из крестьянской семьи, проживавшей по нынешним меркам недалеко от Нижнего Новгорода, принял революционный пафос первых преобразований Советской власти на селе, стал их активным участником (комбед и селькор, вступление в комсомол). На этом поприще поднялся на социальном лифте, хотя он с негодованием воспринял бы такую мотивацию его деятельности. В 1921 г. Кочин меняет стезю комсомольского вожака в селе на изнурительную жизнь студента Нижегородского педагогического института. Затем он с 1924 г. учительствовал в Павлове-на-Оке и

---

¹ Кузнецов 2013. С. 237–256.

Туапсе, начал писать. Оставил произведения, в которых отразил ряд эпохальных моментов Советской истории, в основном, на нижегородском фактическом материале. Честно он описал будни нижегородской деревни в годы военного коммунизма и НЭПа (романы «Девки», «Юность», «Семен Пахарев»), свой тюремный опыт в произведении «Зона», вышедшем уже после его смерти... В нижегородских литературной традиции, «генеалогии» и иерархии Н.И. Кочин считается вторым после Максима Горького прозаиком и классиком советской литературы. Кстати, Горький, высоко оценив очерки молодого Кочина «Записки селькора», подвинул его на написание книги «Кулибин» для серии «Жизнь замечательных людей».

Произведения Кочина отразили многие процессы и события нижегородской истории советского времени (до начала 1930-х гг.), что делает их ценными источниками. К ним надо отнести еще один его роман – «Нижегородский откос»². Данный текст определяется как «роман», хотя «это название едва ли соответствует жанровой природе анализируемого произведения. Для романа как такового здесь недостает... полноты картины, всестороннего анализа действительности... Нельзя назвать «Нижегородский откос» романом и по формальным, структурным признакам... В... произведении нет ни сквозного сюжета, ни специфически романного “сцепления” действующих лиц»³.

Вышедший в 1970 г.⁴ роман; в 2012 г. роман «Нижегородский откос» переиздан) посвящен студенческой поре Кочина, его школярскому опыту. Читателю предлагается картина студенческой жизни в первые годы советской высшей школы. В нижегородском университете в 1919 г. был открыт исторический факультет, просуществовавший до 1921 г., а вот в пединституте с самого начала имелось общественно-экономическое отделение, готовившее кадры и для советской школы, и для культурно-просветительской работы⁵. И в случае с массой преподавателей, представляющих начальный этап нижегородской высшей школы, мы обладаем недостаточной информацией об их профессиональной деятельности и преподавании в первой половине 1920-х гг. Тем более, у нас мало информации историко-антропологического свойства применительно к каждому ученому в указанный период. Этот пробел позволяет восполнить художественная проза Кочина.

---

² Стариченкова 2011. С. 8–9.

³ Кузьмичев 1972. С. 136.

⁴ В предыдущей статье (Кузнецов 2013) была допущена ошибка, согласно которой роман вышел в 1982 г.

⁵ Сапон 2011. С. 5–55.

В ее рамки вписывался опыт селькора Кочина, который вывел себя в образе Семена Пахарева. В 1921 г. на общественно-экономическом отделении пединститута Кочину довелось встретиться с рядом преподавателей, которые составят гордость советской гуманитарной науки. Их автор представил под псевдонимами, которые, чаще всего, прозрачны. Первый опыт их расшифровки был представлен в 1972 г.⁶ Например, Сергей Иванович Астраханский и Василий Леонидович Мошкарлович. В первом случае сразу определяется С.И. Архангельский: фамилия дана герою в географический противовес этимологии фамилии подлинного ученого: Астрахань (Астраханский) – Архангельск (Архангельский). Под Мошкарловичем угадывается В.Л. Комарович.

Роман «Нижегородский откос» был встречен неоднозначно. Кроме положительного интереса, была и отрицательная «рецензия на “Нижегородский откос” Кочина Н.И.» А.М. Лентовского. Её машинопись (47 листов) хранится в архиве Музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. А.М. Лентовский был современником и участником описываемых в романе Н.И. Кочина событий. Это обстоятельство позволяет использовать текст Лентовского как средство верификации извлекаемых из романа Кочина сведений о начальной поре нижегородской высшей школы. Например, он указал прототипов героев романа – преподавателей и студентов. Многим из последних он дал расширенные характеристики, что обогащает восприятие романа произведения Кочина. Однако роман отягощен художественным вымыслом, является источником личного происхождения со всеми важными для источниковедения последствиями. Отзыв Лентовского, категорически не согласного с бывшим однокурсником в отражении реалий их студенческого бытия, нацелен на исправление ошибок и, по мнению рецензента, заведомых и умышленных искажений романиста. Одним из подтверждений тому является филиппика Лентовского: «Не менее сложную операцию автор произвел и мне: “Он был сыном почтового многосемейного чиновника, еле перебивающегося с хлеба на воду. Отец присылал ему конторские книги, из которых Леонтий выдирали листы, делал конверты и менял их на овес. Овсяная каша прекрасное блюдо». К чему выдумана сия чушь? Ума не приложу... Никаких конторских книг отец мне не присылал, конверты я не делал и на овес не менял. Да едва ли в то время нашелся такой дурак, чтобы овес решил менять на конверты. Мало этого, оказывается я ловил галок (интересно, каким образом умудрялся это делать?) и угощал ими студенток общежития (здесь

---

⁶ Кузьмичев 1972. С. 130–152.

Кочин меня пощадил и направил продавать галок на рынок), при этом говорил, что это курицы английской породы и присылала их мне мама. (Кочин нашел неприличным, чтобы помогал мне только папа, поэтому добавил еще и маму). Пожалуй, Аркадию Райкину или Олегу Попову не придумать ничего подобного» (Л. 10).

В отрыве от контекста эта сводная – из главы «Кресты» – характеристика персонажа Леонтия Вдовушкина, в котором себя узнал Лентовский, унизительна. Но при ней читаются и другие строки про Леонтия: «богатырь, крепыш... Это была воплощенная доброта. Студентки его эксплуатировали нещадно... Он не мог отказаться, когда его просили, особенно если это были девушки. В нем пылал дух провинциального рыцаря. Прозвище ему дали “Дитя природы”». А история с ловлей галок, если и была придумана или приписана романистом Леонтию, показывает его с той самой рыцарской стороны. Надо было помочь больной пневмонией, усугубленной голодом и холодом, однокурснице Мирре Периферкович из Минска, у которой «родных... всех повесили белополяки». Вот Вдовушкин и предложил разжиться птицами, выдаваемыми за куриц, угостить больную однокурсницу и ее подруг, и попросил товарищей поддержать этот обман. Всё оказывается не так оскорбительно.

Возможно, личное начало в пространном отклике Лентовского выражено сильнее, чем у Кочина. Следовательно, оба текста, связанные отражаемой реальностью 1920-х гг., относятся к источникам личного происхождения, авторы которых ставили своей задачей запечатлеть себя в далёкой эпохе и своё «верное» её восприятие. В столкновении двух субъективных нарративов не всегда можно провести их проверку на достоверность и вывести из «среднего арифметического» истинное положение вещей.

И суть дела заключается не только в личном отношении Лентовского к Кочину и его произведению. Во фразах рецензии, типа, «Моя память обостренно восстанавливает все, что относится к периоду учебы в пединституте и первым годам Великой Октябрьской социалистической революции» (Л. 10), «Картина о показательном уроке совершенно не соответствует действительности учащейся молодежи в советской школе» (Л. 17), «В те годы в институте никто и никогда на зачетах... не пользовался никакими шпаргалками и никому в голову не приходило пользоваться ими. Ведь студенты готовили себя стать педагогами и пользоваться такими приемами считалось в нашей среде недопустимым» (Лл. 19–20), «... все профессора и преподаватели выведены в смешном виде, как люди старой формации, с каким-то старо-

режимным душком, индифферентные к влияниям нового советского времени и совершенно не связаны с бурной жизнью революционного вуза» (Лл. 34–35); «Целым рядом фактов Н. Кочин пыгается опозорить нашу Советскую молодежь того времени, показывая полное расхождение с мнением партийной и литературной общественности страны» (Л. 36) – показывают, что рецензент смотрел на свою и сверстников студенческую юность с высоты опыта в контексте истории советской эпохи, через призму сформировавшихся к 1970-м гг. коммунистических ценностей. Такая «линза» влияла на то, как надо «правильно» интерпретировать историю советского студенчества в 1920-е гг.

Обида Лентовского обусловила его претензии: «Мы не требуем от автора, чтобы изображение профессоров и студентов полностью совпадало с реальными прототипами, и он просто копировал действительность. Но мы вправе потребовать от писателя, чтобы он произвольно не искажал образы людей того времени, не изображал их в унижительном и оскорбительном тоне» (Л. 38). Примечательно, что Лентовский переживает не за людей 1920-х гг., а за их образы, за то, как люди представляются в 1970-е гг., и за то, как эти образы искажены писателем. Возможно, что Лентовский оказался в ситуации, подобной той, что сложилась вокруг критики романа Л.Н. Толстого «Война и мир» участником Отечественной войны 1812 г. А.С. Норовым. Он критиковал Л.Н. Толстого за то, что М.И. Кутузов, прибывший из Петербурга в Царево-Займище, где стояла русская армия, читал роман «г-жи Жанлис» «Рыцари Лебеда» (ведь военачальник не мог держать перед глазами французскую книгу, воюя с французами). Но после смерти Норова в его библиотеке была обнаружена французская книга с его надписью на французском языке: «Читал в Москве, раненый и попавший военнопленным к французам в сентябре 1812 года»⁷. Учитывая ретроспективное смещение взгляда у романиста Кочина под влиянием его личного опыта в советскую эпоху и у рецензента Лентовского под давлением своего опыта, надо осторожно соотносить их впечатления, чтобы приблизиться к эпохе, осваиваемой памятью двух сверстников и однокурсников.

Подспорьем в решении проблемы – исследование Н.Ю. Стояхиной о трудных первых годах Нижегородского университета, поскольку многие его преподаватели совмещали свою деятельность с обучением студентов в педагогическом институте и наоборот. На это толкало

---

⁷ *Экзитут* 2003. С. 108–139.

бедственное положение с продуктами питания⁸. Зачастую материалы по персоналиям педагогического института лучше отразились в архивной документации университета. И она проливает новый свет на фигуру того или иного деятеля строительства высшей школы в Нижнем Новгороде.

***

Знакомство читателя с Комаровичем и Архангельским происходит в главе «Коллоквиум». Там описано почти невозможное поступление сельского паренька «в посконной рубахе до колен, в залатанных портках и в лаптях с дерюжьими онучами» Семена Пахарева в институт. «Почти невозможного», поскольку экзаменатор – профессор Мошкарлович, «элегантный мужчина» – не хотел видеть полуграмотного парня студентом, но это выяснится потом. А пока что шел экзамен:

«– Я Пахарев.

– Из деревни?

– Из села. Дальнеконстантиновского уезда Нижегородской губернии.

– Там была Симбилейская вотчина графов Орловых... при крепостном праве. Тех Орловых, которые дали России Григория – фаворита Екатерины. Это ваши बारे?

– Да, мой дед при крепостном праве был графский...»

Мошкарлович задавал ему вопросы о Гомере, о Данте, о «Молении Даниила Заточника». Сенька ежился, ерзал на месте... Все в том же индифферентном тоне профессор спросил об Ибсене, о Шекспире, о темных разночтениях в «Слове о полку Игореве»⁹.

Во время экзамена экзаменующийся перечислил нехитрый список прочитанного им, среди которых к пединституту отношения имели «История государства Российского» Н.М. Карамзина, Библия. В итоге экзаменатор вынес приговор: «– Н-да! Лапти. Не знал. Из лыка. Лапти, значит, плетут... Чудеса. Лапотная Россия собралась изучать Гомера. Ну что ж! Пожелаем Вам успешно плести лапти»¹⁰.

Пахарев стал студентом, благодаря Астраханскому. «Он читал в институте курс древней истории и был человеком деликатным, мягким, говорил тихо, робко. Ученик Ключевского, он после окончания Московского университета всю свою жизнь провел за изучением исторических сочинений, знал в совершенстве древние и новые языки и

⁸ Стоюхина 2011. С. 32–35.

⁹ Кочин 2012. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 16–17.

на старости лет достиг звания академика. Но в ту пору он был рядовым профессором педагогического института. Астраханский – сын нижегородского священника, знал простонародие»¹¹. Астраханский безуспешно пытался получить ответы на элементарные вопросы по античной истории. Пахарев знал о Нероне, сжигавшем христиан, о Спартаке и братьях Гракхов в невообразимой контаминации с историей борьбы большевиков в подаче Демьяна Бедного¹². Удачнее протекала беседа с профессором народного творчества, который был поражен знанием Пахаревым фольклорного материала.

Астраханский и фольклорист отбили героя от нападков Мошкарovichа: «– Господа, – произнес докторально Мошкарovich. – Он ничего не знает из того, что знаю я. Но я тоже ничего не знаю из того, что знает он. Лапти он плести умеет. Это неоспоримо.

Мошкарovich снисходительно пожал плечами и умолк. Ректор (Зильберов) поглядел на него пристально...

– В науке, уважаемый Василий Леонидович, тоже есть свои лапти... Вы, Сергей Иванович, что скажете?

Астраханский...: – Господа. Он – *tabula rasa*... Но ведь и мы, – продолжал он, – вернее, большинство из нас, извиняюсь, коллеги, вчерашние учителя провинциальных гимназий, возведенные новой властью в срочном порядке в ранг профессоров...

– Да разве в этом дело, – продолжал Астраханский. – Образование – гость. Ум – хозяин. Наши земляки Минин, Кулибин, Горький не имели официального образования. А ведь это гордость отечества. А Ломоносов, парнем рыбачивший в Белом море, наверно, выглядел не лучше, чем этот Пахарев из вотчины графов Орловых...

После этого Зильберов дал слово фольклористу Леонскому.

– Коллеги! – сказал молодой фольклорист. – Я первый раз в жизни встречаю здесь человека, который знает народное творчество лучше меня...

– Это так естественно, – подхватил Мошкарovich. – Никто не может знать песни лучше того, кто их исполняет всю жизнь...

Фольклорист побагровел. Он хорошо знал, что его коллега Мошкарovich считал народное творчество низшим видом искусства»¹³.

Против сцены экзамена протестовал А.М. Лентовский (Лл. 1–3): «никакого коллоквиума для поступления в институт в 1920 г. не было,

---

¹¹ Там же.

¹² *Кочин* 2012. С. 17.

¹³ *Кочин* 2012. С. 20–21.

принимали по представлению удостоверения об окончании средней школы, метрики и справки от сельсовета о социальном положении родителей, и «экзаменатор должен дать оценку поступающему, а здесь замечания, никакого отношения не имеющие к экзамену, но характеризует профессоров с очень отрицательной стороны, как людей весьма и весьма ограниченных и легкомысленных. Едва ли такой умный, опытный и тактичный человек, как профессор С.И. Архангельский, после невразумительных и бессмысленных ответов Пахарева заявит: “Он будущий Ломоносов, Горький, Кулибин, Минин”». На замечание А.М. Лентовского можно возразить воспоминаниями Н.И. Кочина (см. ниже), согласно которым в его время поступление происходило сразу в два вуза – в университет и в пединститут. В университете приём и зачисление, действительно, ограничивались подачей документов, а в институте было вступительное собеседование.

Убедительный текст Кочина, тем не менее, оказывается сомнительным и с источниковедческой точки зрения. Тем более, вымышленность сцены обсуждения очевидна – Кочин не мог там присутствовать. Фамилии участников литературного действия конвертируются в фамилии реальных преподавателей. Фамилия руководителя института – Зильберов – отсылает к А.Н. Зильберману. О Зильберове Кочин пишет в других главах, но уже не упоминает его как ректора: «Профессор Зильберов приехал в приволжский город откуда-то с западной окраины России. Он окончил физико-математический факультет Петербургского университета и философский факультет в Берлинском университете. И преподавал сразу на двух факультетах. На одном – физику, а у филологов – «Введение в философию»»; «Зильберов читал филологам-первокурсникам «Классификацию и методологию науки»»¹⁴. На страницах произведения Кочина описана сцена зачёта по «Классификации...»¹⁵. Разговор о классификации был оригинально построен на предложении экзаменатора просистематизировать почтовые марки. Несмотря на жесткость проверки, студент Пахарев на всю жизнь запомнил разговор о классификации, выведившей на проблему, как научиться мыслить. Отповедь А.М. Лентовского: «Полагаю, в первые годы революции в вузе никто из профессоров заниматься филателией и демонстрировать почтовые марки по курсу “Классификация и методология наук” не будет, и весь этот эпизод сочинен очень неудачно и звучит весьма наивно» (Л. 46) – сама выглядит надуманной. Ведь

¹⁴ Кочин 2012. С. 39, 57.

¹⁵ Кочин 2012. С. 57–61.

профессор мог вынести это увлечение с дореволюционных времен, а нестандартное и творческое использование марок при опросе прибавит вес преподавателю и ныне.

Про реального Зильбермана известно, что он, Александр (Израиль) Наумович (род. в 1885 г. (сведения Н.Ю. Стоюхиной), дата смерти не установлена) – профессор физики, учился на философском факультете физико-математического отделения Мюнхенского университета, получил степень доктора естественных наук в Гейдельбергском университете, имел многочисленные публикации в академических российских и зарубежных изданиях¹⁶. Но он не руководил институтом, лишь заведовал там кафедрой физики¹⁷. В 1924 г. у него в Нижнем Новгороде вышел учебник «Основы физики». Наибольшую известность приобрела его работа, написанная в соавторстве с М.В. Любимовым, Г.П. Сидоренковым, Л.С. Фрумкиным, В.С. Полиным «Лабораторные работы по физике» (Учпедгиз, 1938). На ранних порах преподавательской деятельности в советских вузах А.Н. Зильберман отдал дань философии: он вел в университете семинарий «Логика точных наук», «Введение в гносеологию»¹⁸, то, что сейчас называется современным естествознанием. Видимо, эти же курсы читались им и в пединституте, когда там учился Кочин-Пахарев. По сообщению Стоюхиной, Зильберман, был в числе соавторов учебного издания «Физика в школе. Методический сборник по физике. Вып. 1» (М., 1945). Возможно, что было его посмертное издание.

В педагогическом институте в 1931 г. и в 1932 г. критиковалось увлечение Зильбермана философскими штудиями: «Часть работников скрыто или явно враждебны в отношении марксизма, протаскивают чуждую идеологию при проведении курсов (идеализм в методологии физики на вводных лекциях у Зильбермана...») и как вывод «Ряд работников надо менять при первой возможности: профессора Порхунов и Зильберман – по химии и физике»; «Проф. Зильберман не учел выводов смотра кафедры физики в конце прошлого года. Он уклоняется от признания идеалистических, кантианско-махистских взглядов, развитых в своих научных работах. Игнорирует учение Маркса-Энгельса-Ленина, отрицает кризис современной физики. Пропагандирует идеалистические буржуазные теории. Выдвигает на научную работу лиц, стоящих в

---

¹⁶ Нижегородский государственный педагогический университет... 2011. С. 13; Стоюхина 2011. С. 186.

¹⁷ Стоюхина 2011. С. 186.

¹⁸ Там же. С. 186, 225.

стороне от Институтской общественности. Работа с нашими аспирантами и выдвиженцами поставлена слабо. Теоретически не изучает марксизм-ленинизм, но загрузился преподавательскими часами и халтурно проводит занятия. Недопустимо преподавание Зильбермана в Нижегородском педагогическом институте¹⁹. То есть, Кочин привёл реальные черты прототипа профессора Зильберова. Обусловлено это тем, что А.Н. Зильберман заставил деревенского паренька Кочина думать о постижении окружающего мира посредством Слова: «Он... произнес... то, что, по-видимому, у него накопело: – Для многих важнее слово, чем истина. Власть слов над людьми огромна. Слово и разъединяет людей и сплачивает. Слово и могущественно и презренно. Поэтому надо бережно обращаться со словом, ценить в нем его положительные качества, устранять его недостатки. Слово может быть мудрым, но и глупым, истинным и ложным, кокетливо рядиться в пышность и пустословие и озарять человеческую мысль прозрениями. Словом можно убить, словом можно излечить, вдохновить. И чаще всего им злоупотребляют те, которые от него кормятся. Раздумывая над их словами, следите, не есть ли это процесс пустословия вместо содержательного мышления, мнимая содержательность, словесная эквилибристика». С учётом того, что Кочин стал писателем, работником над Словом, катарсис Пахарева на зачёте у Зильберова стал значимым и поворотным в жизни бывшего селькора. И за это Кочин-Пахарев хранил чувство благодарности, повлиявшей на объективное изображение Зильбермана.

Много внимания Кочин отвёл Борису Васильевичу Миртову, отвечавшему за цикл педагогических дисциплин в вузе²⁰. Он идентифицируется А.М. Лентовским и Н.Ю. Стоюхиной с Борисом Васильевичем Лавровым. Кочин представляет Миртова молодящимся старичком-бодрячком с острыми, закрученными вверх усиками, с блестящим, «как медный таз», черепом, любившим белоснежные стоячие воротнички и фрак и переживавшим из-за малого роста (выразилось в шляпах с высокой тульей и высоких каблуках). Он был одинок, поскольку жена (купчиха с богатым приданым) сбежала «с каким-то кооператором». Может быть, из-за своего одиночества он дарил студенткам свои фото с выспренними надписями.

Лентовский уверен, что подобные «мещанские, пошлые надписи» дарить «не мог Борис Васильевич, да, по-моему, в 20-е годы такие суте-

---

¹⁹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 932. Оп. 1. Д. 44. Л. 46–47; Д. 59. Л. 1–2.

²⁰ *Кочин* 2012. С. 53–56.

неры, вообще, не существовали в пединституте, среди профессоров тем более» (Л. 7). Настораживает сочетание в этих словах уверенности («не мог») и предположительного тона «по-моему», за которым стоит только личное мнение рецензента. Некорректной является и сведение сюжета с дарением фотокарточек студентками к греху сутенерства. «Нижегородский откос» не даёт для этого оснований: чудака-профессор преподносил студенткам фото и всё.

Основное качество Миртова, которым он запомнился Пахареву, — это «мастер высокопарных выражений» («И потом Сенька встречал немало таких мастаков пустой, звонкой фразы и в литературе и в жизни, но все они уступали Борису Васильевичу»), уверенный в своей гениальности и гениальности своего дореволюционного учебника по психологии. Это качество героя Кочин раскрыл через сцену зачёта по «Теории и психологии творчества». На нём Миртов, ценимый студентами за доброту и беззлобие, задаёт вопросы так, чтобы получить ответы в формулировке, озвученной им на занятиях. Этим он и отличается от Зильберова, ценившего в Слове смысл. Сам же Миртов придаёт значение эстетике Логоса. В одной главе два героя разводятся по разные стороны Слова. Такой приём писателя вынуждает с осторожностью принять образ Б.В. Миртова как отражение прототипа.

Б.В. Лавров (род. в 1880 г. в Казани) к 1921 г. имел за плечами непростую биографию. Окончив казанскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где под руководством профессора А.И. Введенского проявил интерес к философии и педагогике. В 1904–1918 гг. трудился в Вологодском и Нижегородском Владимирском реальном училищах, Нижегородской гимназии, московской седьмой гимназии и Психологическом институте в Москве (итогом работы стал изданный в 1912 г. в Нижнем Новгороде учебник «Курс психологии (для гимназий и самообразования)»), был председателем педсовета Нижегородской Мариинской женской гимназии и читал лекции на академическом отделении Нижегородского народного университета. В 1912 г. Лавров пережил личную драму: от него, забрав дочь, ушла жена. С 1918 г. он преподавал психологию на биологическом факультете в университете (в пединститут Лавров пришел в 1919 г.), что вызывало раздражение коллег (словесник ведет курс психологии на биофаке), а также этики. Будучи противником проведения в жизнь идеологии «трудовой школы», отвергавшей прежние принципы обучения, Лавров в своей педагогической практике добивался от студентов регулярного посещения лекций, ответа по их записям. Собра-

ние студентов историко-филологического факультета устроило ему в марте 1919 г. обструкцию, хотя за полтора месяца до этого он был назначен (первым) деканом историко-филологического факультета Нижегородского университета. 30 июля 1919 г. губчека арестовала Б.В. Лаврова (причины не выяснены). 13 августа студбюро просило его освободить, что и произошло через две недели. 7 октября Лавров отказался от должности декана факультета²¹.

Этими обстоятельствами и надо объяснять своеобразно трактуемые Н.И. Кочиным в «Нижегородском откосе» факты биографии Б.В. Лаврова в образе Миртова. Его равнодушие к излагаемому на лекциях может объясняться конфликтом со студентами в марте 1919 г. Отчужденность от студенческой аудитории, осторожность красивых суждений могли быть порождены впечатлениями от ареста. При этом есть свидетельство А.М. Лентовского: «Кроме курса психологии Борис Васильевич читал лекции по «Теории художественного творчества». Эстетика – дисциплина специфическая, и в этой области в то время царила идеалистическая точка зрения, и вопросы о прекрасном в художественном творчестве трактовались по трудам Канта, Фихте, Шеллинга, марксистско-ленинская эстетика находилась в зачаточном состоянии. В те времена эстетика включалась в курс философии, а затем – психологии. В Н-Новгороде, кроме Бориса Васильевича, не было специалистов в этой области. Содержание его лекций было далеко не пустым... Так, Борис Васильевич, например, определял художественный образ: “Образ прекрасен сам собой и бесконечностью за ним лежащей дали”, или “чем образ ирреален, тем он более реальный”. Это не пустые фразы, а самые настоящие идеалистические толкования о прекрасном, но, к сожалению, Кочин до поступления... имел очень слабую подготовку по общеобразовательным предметам, поэтому это все казалось непонятным». Лентовский привёл цитаты, определения искусства из книги М.С. Каган «Лекции по марксистско-ленинской эстетике» (1971 г.), рецензии на неё и отмечает: «Борис Васильевич давал более вразумительные определения полвека тому назад и, тем не менее, Кочин представил его лекции как совершенную юмористику» (Лл. 7–8).

Менее реален образ Мошкаревича. Его прототип – В.Л. Комарович (1894–1942): «Исследователь русской литературы Василий Леонидович Комарович родился 1 января 1894 г. в с. Воскресенске Макарьевского уезда Нижегородской губернии в семье врача. В 1912 г. В.Л. Комарович

---

²¹ Стоюхина 2011. С. 16–31, 55, 63–64, 66–67, 225.

окончил первую классическую нижегородскую гимназию и поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Окончил его в 1917 г. и был оставлен при кафедре русской литературы. С 1919 по 1921 г. сдавал магистерские экзамены. Педагогическую работу начал с 1920 г. В 1920–1922 гг. читал в Нижегородском университете следующие курсы: «Достоевский», «Расин и его современники», «Пушкин и его время», вел семинары по «Слову о полку Игореве» и «Достоевскому». В 1921–1922 гг. читал в Нижегородском институте народного образования курсы по Гоголю и Пушкину. С 1924 по 1928 г. преподавал в Ленинградском университете и Ленинградском институте истории искусств: вел в них курс по Достоевскому. С 1928 г. занимался исключительно научной работой... и с 1934 г. был ближайшим образом связан с работой Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН»²². В постсоветское время стало возможным говорить и о минорных страницах жизни В.Л. Комаровича. Обратим внимание на «нижегородские» сведения о нем.

В 1920–1922 гг. Комарович преподавал в нижегородском университете на историко-филологическом факультете, был его первым секретарем²³. У него училась Т.А. Крюкова. Она поступила на историко-филологический факультет Нижегородского университета в последний год его существования и подпала под интеллектуальное обаяние Комаровича. По его совету, она поехала вслед за ним в Петроград и поступила на этно-лингвистическое отделение факультета общественных наук университета²⁴. Возможно, Комарович покинул Нижний Новгород по причине закрытия историко-филологического факультета университета, где вел курсы по древнерусской литературе и по русской литературе XIX в.²⁵ («История русского театра второй половины XVIII в.», «История русской литературы Александровской эпохи», семинарий по истории лирики XIX в., семинарий по «Слову о полку Игореве»²⁶). Поэтому работу в пединституте, о которой известно из романа Кочина, Комарович, наверное, рассматривал как работу по совместительству. Можно бы отмахнуться от факта преподавания Комаровича в пединституте, посчитав его выдумкой Кочина, если бы не архивные находки. Долго считалось, что философ А.Ф. Лосев работал только на историко-филологическом факультете Нижегородского уни-

---

²² Крюкова 1960. С. 583.

²³ Молев 2006. С. 5.

²⁴ Решетов 2003. С. 269.

²⁵ Сиренов 2013. С. 7.

²⁶ Стоюхина 2011. С. 226.

верситета в 1919–1921 гг. Но обнаружилось свидетельства преподавания А.Ф. Лосева и в нижегородском пединституте²⁷. Следует ли доверять другим сообщениям романиста?

Казалось бы, указание на то, что Комарович считал народное творчество низшей формой искусства, подтверждается списком его публикаций до 1921 г. – исследования творчества Достоевского, Гейне, Бориса Зайцева, Пушкина, Брюсова²⁸. Но имелась и работа Комаровича «Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд» (1936 г.). В ней он показал себя опытным фольклористом, что неслучайно. «Василий Леонидович Комарович был выпускником историко-филологического факультета Петербургского университета... К древнерусской литературе его приобщил А.К. Бороздин. Лекции А.К. Бороздина касались двух направлений: русская народная словесность и древняя русская письменность. Первое – это исследование фольклора. В.Л. Комарович стал серьезно заниматься этим, и интерес к фольклору навсегда, даже при занятиях летописями, оставался его отличительной чертой... В.Л. Комарович также впоследствии занимался разысканием под “современной формой” первоначальных форм народных преданий и сказаний»²⁹.

В главе «Коллоквиум» Мошкарлович противопоставляет Астраханскому и «фольклористу», который «отслоен» от исследовательского амплуа Комаровича. Так Кочин показывает негативную позицию представителей старой школы: от резкого неприятия до понимания того, что выходцы из рабочих и крестьян способны приобщиться к вечным ценностям человечества. Ведь Мошкарлович гнушается наукой плетения лаптей, а Астраханский знает «простонародие». Косвенно это можно подтвердить и мнением Лентовского о том, что образ Мошкарловича в романе далёк от реального Комаровича. К сожалению, это утверждение не сопровождается фактами из преподавания Комаровича или чертами его личности. Неосведомленность рецензента-мемуариста можно объяснить тем, что Комарович мало присутствовал в жизни курса Кочина и Лентовского и не успел оставить о себе впечатлений.

В романе противопоставление усиливается демонстрацией оппонентов в разных ситуациях. Согласно автору, «Мошкарлович происходил из нижегородских дворян, очень образованных. Отец у него был известный окулист, уважаемый в городе. Мошкарлович, уже будучи тридцатилетним, заявил о себе интересными исследованиями о Гоголе

²⁷ См., например: Сапон 2011. С. 42.

²⁸ Крюкова 1960. С. 583–584.

²⁹ Вовина-Лебедева 2011. С. 427–428.

и Достоевском. Одевался он изящно... Произносил свои изысканные речи с чуть-чуть аристократической надменностью... Читал он очень содержательно и очень интересно, но крайне субъективно. Его интересовала человеческая личность, которую он никак не связывал со средой. Он читал курс о Пушкине и вел семинар по нему... Мошкарлович проследил все интимные связи Пушкина и их отражение в лирике... Студенты относились к Мошкарловичу иронически... Никто никогда не мог Мошкарловича вызвать на дискуссию»; «Профессор никогда не мешал инакомыслящим высказываться..., но сам оставался в стороне. Даже одаривать презрением новую поэзию он считал ниже своего достоинства. А ведь чаще всего речь шла о талантливых поэтах: о Маяковском, о Есенине»; «Один раз Мошкарлович подошел к Пахареву и через плечо...: – Осень – рыжая кобыла... – ничевок?

– Это Есенин! Он стоит Пушкина.

– Вон как? Народился гений, но никто не заметил.

Профессор пошел на кафедру и продолжал объяснение стихов, посвященных Анне Керн. С тех пор Пахарев ходил на лекции Мошкарловича все реже..., и то сидел на последней скамейке и демонстративно читал Есенина»³⁰.

Откуда у Кочина были такие сведения о биографии Комаровича – подводила память или автор, чем-то обиженный преподавателем, побулгаковски сводил счеты, или такую трансформацию реальности потребовала логика романа?

Кочин на страницах своих произведений воздавал обидчикам или людям, которых считал непорядочными. Так, в повести написанной в 1963 г., что называется, «в стол», и опубликованной в 2007 г., есть строки: Паня Васютина «материал обработала терпеливо, старательно, обстоятельно и с согласия своего профессора Гуанотвора готовила на этом материале диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук»³¹. Повесть «Путь Савла» «заряжена» критическим настроением по отношению к атеистической пропаганде времен Н.С. Хрущёва в Горьком. Главная героиня Васютина и является носителем этой пропаганды, а потому – её работу по сбору, как сейчас сказали бы, «полевого» материала к диссертации надо рассматривать тоже под углом авторской критики. Эта оценка распространяется и на её научного руководителя.

За его именем с весьма прозрачной и прозаичной семантикой угадывается персонаж горьковской историографии 1930-х–1960-х гг. про-

---

³⁰ Кочин 2012. С. 91–92, 94, 98.

³¹ Кочин 2007. С. 236–237.

фессор Н.М. Добротвор (настоящая фамилия – Александров). Архивные материалы позволяют составить неприглядное впечатление о его моральном облике³². Его «фамилия» в произведении Кочина, отсылающая к телесному низу и физиологическим отправлениям, свидетельствует о неприязни к нему писателя. В автобиографии Добротвора Кочин упомянут: «В первый год пребывания в г. Горьком мной был установлен тесный контакт с местным отделением Союза писателей. У меня установились дружеские связи с Б.С. Рюриковым (литературовед, теперь редактор журнала «Иностранная литература», писателем В.И. Костылевым, Н.И. Кочиным и др... В 1937 г. я приобрел уже некоторый опыт в изучении истории Нижегородского края. Случилось это при следующих обстоятельствах. В г. Горьком жила писательница Вера Жакова, которая по заданию А.М. Горького изучала историю местного края. Она, например, написала очерк о Кулибине, напечатанный в журнале “Горьковская область”. В Москве была создана редакционная коллегия во главе с А.М. Горьким по написанию истории г. Горького. Разработана была программа и существовал конкретный план, по которому, например, писатель Яковлев должен дать “Историю Сормова”, Вера Жакова должна была написать “Историю Н. Новгорода в XIX ст.”. Но В. Жакова весной 1936 г. умерла. И вот тогда редколлегия (ее секретарем был Б.С. Рюриков) поручила мне написать очерк о Н. Новгороде в XIX ст. вместо В. Жаковой. Я в 1938 г. написал эту работу. Но после смерти А.М. Горького расстроилось задуманное издание. И моя работа о Н. Новгороде в XIX ст. (на 5 печатных листах) не была напечатана. Я ее потом использовал, работая над другими темами»³³.

В цитате отразились переплетения судеб разных людей, их замыслов и трудов с биографией Кочина. Он в 1940 г. опубликовал в серии «Жизнь замечательных людей» роман «Кулибин». О нём Добротвор не упомянул – возникает ощущение противопоставления двух произведений о Кулибине – Кочина и Жаковой. Такая сдержанность может объясняться тем, что в 1943 г. Кочин был репрессирован и 10 лет провёл в лагерях. Это впечатление усиливается тем, что известен факт покровительства Горького Кочину: великий писатель благословил молодого земляка на написание романа о Кулибине в серии, им возобновленной. Возможно, что за строками Добротвора и его «срамного» упоминания в произведении Кочина угадывается конфликт.

³² Кузнецов 2011. С. 77–82, 88–89; Не подводя итоги... 2011. С. 91.

³³ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 32. Л. 155–156.

Подтвердить это предположение можно и тем, что в повести «Путь Савла» в более симпатизирующей тональности описан другой профессор Горьковского пединститута. Главная героиня повести, осознав ущербность воинствующего атеизма, идёт за советом к вузовским наставникам. Одним из них был «профессор Кустов», «который читал ей историю партии, был он стар, честен, учён и авторитетен в партии», «но никогда не слышал о Сократе, Паскале, Марке Аврелии, Спинозе». Последнее сомнительно по отношению к выходцу из крестьян 1893 года рождения, побывавшего в австрийском плену, члену Коммунистической партии с 1919 г.³⁴, имевшему образование того же уровня, что и сам Кочин. Думается, что невежество профессора в философских делах – литературный вымысел. В остальном писательская характеристика Кустова не противоречит архивным сведениям о нём. Профессор Василий Павлович Кустов не разделил сомнений девушки, но «она увидела в нём типичного партийца, которых в жизни немало встречала и которые, оставаясь деятельными, хорошими и дельными и даже учёными коммунистами, никогда не только не мучились, но никогда и не останавливались на тех вопросах, которые её мучили»³⁵. Получается, что по отношению к атеистической пропаганде В.П. Кустов – единомышленник Добротвора-Гуанотвора, но автор подал его в более выгодном свете. Подобное можно усмотреть в кочиновском противопоставлении «Астраханский – Мошкарлович».

По отношению к Комаровичу-Мошкарловичу в глаза бросается неувязка: нижегородские дворяне и знаменитый окулист. Так дворяне или разночинцы, что превалирует в образе? В.Л. Комарович – сын врача, родившийся неподалеку от легендарного Светлояра. Каким-то образом семья устроила сына в нижегородскую гимназию. Параллель можно провести с биографией С.И. Архангельского: родился в семье семеновского чиновника, но окончил в 1900 г. ту же, что и Комарович, гимназию³⁶. Образ Мошкарловича, засевавшего в башню из слоновой кости литературной классики, далек от облика Комаровича, знавшего и ценившего Брюсова, Зайцева. Наверняка, ему были знакомы и Маяковский, и Есенин... Есенин и мог стать предметом заочного спора Кочина и Комаровича. В воспоминаниях Кочин отметил в 1973 г.: «Над Есениным я плакал»³⁷. Возможно, Комарович, для которого творчество Есе-

---

³⁴ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 147. Л. 20.

³⁵ *Кочин* 2007. С. 282–283.

³⁶ *Кузнецов* 2009. С. 147.

³⁷ *Кочин* 2007. С. 189.

нина находилось в ряду творений других мастеров стиха «Серебряного века», дал свою оценку поэту, которая расходилась с мнением студента Кочина, что вызвало обиду за своего, «крестьянского», поэта.

Доля литературного вымысла в представлении Мошкаровича в романе подтверждается, её отсутствием в автобиографическом, мемуарном очерке «Как я стал писателем»: «я... поступил сразу и в университет, и в Высший педагогический институт... В университет зачисляли без экзамена даже тех, кто не имел среднего образования. В педагогическом институте экзамены были, но они носили чисто формальный характер. Профессора изо всех сил выбивались, чтобы найти и задать такой вопрос, на который абитуриент смог бы ответить. Но и в этом случае я не был готов. Очень эрудированный и благожелательный С.И. Архангельский (впоследствии академик), специалист по древней истории, был рад, что, упомянув братьев Гракхов, вызвал меня на разговор. Я слышал где-то, что Гракхи защищали крестьян... И я стал клеймить наших помещиков, изнуравших моих предков, объединил Гракхов с Пугачёвым, сделал из обоих большевиков... Но Сергей Иванович просиял, был рад и этой болтовне. И так со всеми предметами, кроме фольклора. Мы долго беседовали с фольклористом. Он испытал меня на загадках, пословицах, народных песнях, на бабьих воплях по умершим... Восхищению его не было предела. После я узнал, что он сказал экзаменационной комиссии, что впервые встретил студента, который знает народное творчество лучше его самого». И ещё: «Как и все, я заучивал каждое стихотворение Есенина наизусть. Я был покорён этим рязанским парнем с тех пор на всю жизнь»³⁸. Из этой цитаты видно, что реалии поступления Кочина в вуз домысливались в «Нижегородском откосе»: и экзаменационный фильтр, и споры в комиссии, и сам Мошкарович... Возможно, он и не преподавал в пединституте, а работал в университете, где учился Кочин. Но тогда Комарович не мог присутствовать на экзамене в пединституте, а в университете, как пишет Кочин-мемуарист, вступительных экзаменов не было.

Видимо, при(до-)думывание биографии и образа Мошкаровича облегчалось тем, что Комарович недолго общался с курсом Кочина из-за отъезда в Петроград. Может быть, сказалось и то, что В.Л. Комарович в 1928–1934 гг. был репрессирован³⁹. Подобную диффамацию в романе встречаем по отношению к Картузову. Его прототип – М.Н. Кутузов: «Тогда самой актуальной наукой была история... Всех

³⁸ Кочин 2007. С. 37–38, 39.

³⁹ Решетов 2003. С. 294. Прим. 2.

больше будоражил мысль и сердце студентов историк Картузов. Он родился трибуном..., с темпераментом борца и азартом политика. Одевался он с нарочитой демократичностью (рубашка-косоворотка, крестьянские смазные сапоги... Черные как смоль кудри ниспадали до плеч, выразительное, подвижное лицо актера – образ народного вождя старого типа... К этому прибавить надо его отличную натренированность в просторечных выражениях, очень крылатых и очень доходчивых. Книг и конспектов на лекции он не носил, всегда вдохновенно импровизировал. С первой лекции он брал аудиторию целиком в плен. Но держал в этом плену недолго. К концу года в лекторе уже разочаровывались. У него были поверхностные знания, одна политическая фразеология, багаж, почерпнутый из однодневок-газет... На первую лекцию студенты ждали его с нетерпением... И на кафедру не взмошел, а остановился посередине комнаты, оглядел всех властным взглядом.

– Россия – сфинкс, – произнес он. – Вы хотите узнать ее судьбу? Изучайте русскую историю...

Актер был один – он сам... Но когда Пахарев решил записать, содержание лекции ушло..., и, кроме приятного возбуждения, ничего не осталось. Смутно мелькал образ Нестора... Адвокатское красноречие раздражало, выпренность фразеология обнажала плоскую мысль, особенно это бросалось в глаза после знакомства с Ключевским и Соловьевым... Старшекурсники называли Картузова «соловьем», даже обиднее – «бесструнной балалайкой»... Картузов за всю жизнь написал две брошюры, которые он называл трудами. «Он учен, как Картузов» – это стало крылатой фразой⁴⁰.

Вот биография реального Михаила Николаевича Кутузова. Родился в 1883 г. в семье железнодорожного рабочего. В 1904 г. окончил Елецкую гимназию, в 1908 г. – историко-филологический факультет Московского университета. С гимназических лет находился под надзором полиции из-за близости к социал-демократам, потом – к эсерам. С 1911 г. преподавал в Нижегородском учительском институте. В 1915–1916 гг. был его директором. После февраля 1917 г. вошел в состав Нижегородского комитета партии эсеров. В ноябре 1917 г. стал депутатом Учредительного собрания от Нижегородской губернии. После ареста 5 января 1918 г. Кутузов продолжил преподавательскую деятельность в Нижегородском учительском институте и вел антибольшевистскую агитацию в воинских частях. В августе 1918 г. перешел линию фронта и вошел в состав КОМУЧа, создавал уфимскую директорию. Разочаро-

---

⁴⁰ *Кочин* 2012. С. 50–52.

вавшись, в январе 1919 г. вернулся в Нижний Новгород и был ненадолго арестован ВЧК. В 1919–1936 гг. преподавал в Нижегородском (Горьковском) пединституте. Арестовывался в 1923 и 1930 гг. Арестован осенью 1936 г. и в 1938 г. умер в тюремной больнице⁴¹.

Этих данных о Картузове Кочин не привел, но намекнул на его эсеровское прошлое: трибун, народный вождь. Где уж тут писать труды! В принципе, облик Картузова не противоречит биографическим данным Кутузова. И опять негативный образ, подобно Мошкарновичу! Правда, объяснять его тем, что Кутузов был репрессирован – все-таки некоторое упрощение. Ведь сам Кочин 10 лет провел в заключении⁴².

Лентовский не согласен с тем, что литературный Картузов тождественен прототипу (Лл. 5–6) и даёт последнему такую оценку: «Уровень его знаний был достаточен для того, чтобы вести курс Русской истории студентам первых курсов. Для института иметь такого одаренного методиста, каким был М.Н. Кутузов, было большим преимуществом... М.Н. Кутузов был талантливый педагог, чудесный и оригинальный оратор, обладал необыкновенным даром вести занятия по русской истории выразительно, красочно и просто, не так, как все. Он страстно любил педагогическую работу, прекрасно понимал молодежь и всегда был в состоянии большого оптимизма. М.Н. Кутузов умел занятия проводить интересно и мог увлечь, страстно увлечь слушателей своим предметом».

Автор романа противопоставляет Картузова Астраханскому. Он – неяркий, но аккуратный, эрудированный, скромный и трудолюбивый, знающий иностранные и древние языки. «Его занимала только историческая истина, правда, как он ее понимал... Он не требовал почтительности к себе, но всяк перед ним сознавал свое дилетантство... После записей за Астраханским любое место в книге по разделу истории казалось... вполне знакомым и понятным... Профессор заметил рвение Пахарева и пригласил его к себе. Деревянный домик на окраине города был весь завален книгами и заставлен цветами.

– Есть только одна наука наук – история, – сказал профессор, поливая амариллис, – история мироздания, а значит и природы, и человечества, и его дел: общества, науки, искусства...

Астраханский привил ему любовь к истории и лишил его... надменного отношения к прошлому»⁴³.

⁴¹ Сведения взяты из: *Санон* 2011(а). С. 120–121.

⁴² *Шамигулин* 2012. С. 11.

⁴³ *Кочин* 2012. С. 52–53.

Сведения об Архангельском, почерпнутые из других источников, позволяют говорить, что он наиболее близок к своему литературному воплощению. Но и тут есть неточности. В сцене экзамена он представлен сыном нижегородского священника, «рядовым профессором», учеником Ключевского, в старости достигшим звания академика. Однако Архангельский происходил не из духовного сословия, его отец – семеновский чиновник из обедневших дворян. Профессором он в 1920-е гг. не был, а получил это звание лишь в 1937 г.⁴⁴ В 1924 г. Наркомпрос возражал против присвоения Архангельскому звания профессора⁴⁵. Учеником Ключевского Архангельский себя не называл. Он писал в анкетах, что испытал влияние Ключевского⁴⁶. В 1946 г. 64-летний С.И. Архангельский был избран в члены-корреспонденты АН СССР.

В остальном многие детали, приводимые Кочиним, подтверждаются. Дом С.И. Архангельского по тогдашним меркам тяготел географически к окраине – улица Ошарская. Архангельский разводил цветы. Об этом увлечении писалось ранее⁴⁷.

В портрете Астраханского характерные черты были переданы автором достаточно точно. Лентовский только и смог посоветовать на то, что «нет здесь... образа педагога, чья деятельность в те годы являлась актом высокого творческого труда незаурядного и талантливого человека...» (Л. 4), что «...о нем следовало бы написать не примитивную характеристику, а литературный портрет, какие писал Горький» (Л. 5).

Негативизация прототипов Мошкаревича и Картузова в «Нижегородском откосе» служила для более рельефного изображения Астраханского. В последнем случае источниковая ценность текста Кочина высока. Подобное можно сказать и применительно к другим историкам, выведенным в романе под настоящими фамилиями.

Кочин дает нейтральную характеристику А.П. Мельникову – сыну Мельникова-Печерского: «Историю местного края читал Андрей Павлович Мельников – сын знаменитого нижегородца Мельникова-Печерского, автора романов “В лесах” и “На горах”. От отца своего А.П. Мельников унаследовал безотчетную и неистребимую любовь к старому русскому быту с церквями, кондовыми обычаями, с нечистой силой, с анекдотами из жизни местных чудаков – купцов, помещиков и чиновников... Он говорил о минувшем как о настоящем... И хоть

⁴⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

⁴⁵ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 20.

⁴⁶ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5, 13.

⁴⁷ Кузнецов 2012. С. 269–270.

все это было очень далеко от злобы дня, но у этого старика находились слушатели»⁴⁸. Ценность этих строк заключается в том, что ранее сведения о Мельникове охватывали часть его жизни до 1917 г.⁴⁹ Информации о его деятельности после революции мало. Впечатления Кочина о нем важны. Информация, почерпнутая из романа, носит личностный характер. Исследование биографии Мельникова имеет большие перспективы с учетом того, что готовится издание неизвестных ранее работ горьковского историка В.Т. Илларионова, где есть строки, посвященные Мельникову. Данные фрагменты имеют значение и для проверки сведений Кочина.

«В середине 1921 года в Нижнем издан второй том “Материалов по истории революционного движения”..., в котором А.П. Мельников опубликовал “Опись делам историко-революционного архива за 1839–1896 гг.”, и написанную по воспоминаниям и документам статью “К истории революционного движения в Нижегородском крае в 1904–1905 гг.” Андрей Павлович Мельников (родился в 1855 году ст.ст.) представлял собою незаурядную личность. Он был сыном П.И. Мельникова (Андрея Печерского), но этого мало для его характеристики. Называя себя художником, он любил тут же прибавить, что состоял и «чиновником особых поручений при двенадцати губернаторах». Свою жизнь он закончил “сотрудником особых поручений ОГПУ”, что и подтверждал всем своим знакомым предъявлением соответствующего удостоверения. Функцией его последней службы была архивная работа. Нижегородское ОГПУ поручило ему приведение в порядок архивов Нижегородского охранного отделения и Нижегородского жандармского управления. Но А.П. Мельников был и поэтом. До революции он публиковал в США стихи, написанные им на древнееврейском языке, и был автором нескольких книжек беллетристических произведений. В искусстве его особенно интересовала станковая живопись, и его картины находили место на нижегородских художественных выставках. Интересовала его этнография Нижегородского Поволжья, наверное, по унаследованному от отца интересу к народной жизни. Перу А.П. Мельникова принадлежал ряд исторических и этнографических исследований, в частности, книга “К трехсотлетию смутного времени”. В ней содержатся ценные материалы о мордве, татарах и т.д. Нижегородского Поволжья, издревле представляющего крайне сложный этнический конгломерат. Сын талантливейшего в России бытописателя, Андрей Павлович

---

⁴⁸ Кочин 2012. С. 47.

⁴⁹ См., например: Кузнецов 2006. С. 120–121.

Мельников унаследовал от отца, образно говоря, острое художественное зрение и в своей книге-фолианте “Столетие Нижегородской ярмарки”, запоздало изданной в знаменательный 1917 год, увековечил бытовую историю Всероссийского торжества. Перу его принадлежит немало число статей в местной печати. А.П. Мельников – и археолог. В годы нэпа в Нижнем вышла в свет его изящно оформленная книжечка «Нижегородская старина». Однако, он и продолжатель дела П.И. Мельникова по вопросам старообрядчества, правда, несравненно менее активный. В Действиях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии он публикует ряд работ: “Из секретной переписки старообрядцев” (1890), “К характеристике быта раскольничьих общин начала XIX века” (1891), “Керженские или дяконовы ответы”, биографические материалы о П.И. Мельникове, комментирует знаменитый “Отчет” 1854 года, представленный Мельниковым-отцом Министерству внутренних дел о старообрядцах. Мельниковым-сыном, по его словам, написано тысячи две страниц воспоминаний, характеризующих среду, окружавшую его в детстве, в частности, в Петербургский период жизни отца и т.д.»⁵⁰. «В зиму 1919–1920 года в Нижнем, на Большой Печерке..., в подвальном помещении дома № 11, принадлежавшем до революции миллионеру – мукомолу Якову Матвеевичу Башкирову, были “расквартированы” архивы нижегородского охранного отделения и жандармского управления, соединенные в один. Архив имел трех работников: заведующим был Андрей Павлович Мельников, сотрудниками – один глухонемой немец, его фамилия не помнится, и М.А. Шебуев... Но, Андрей Павлович Мельников! Архивы были в беспорядке, представляя собою груды “дел”, не были размещены на фонды, на дела, не существовало описей и т.д. Страшная стужа не только на улице, но и в помещении архива вовсе не позволяла осуществлять какую-либо работу. Архивные деятели проводили свой трудовой день одетыми в пальто, шапки, с варежками и перчатками на руках. В таких-то вот условиях в архиве и появилась в свет “Революционная хроника сормовских рабочих”, первое большое повествование о революционном движении этих рабочих, опубликованная в первом томе “Материалов по истории революционного движения”»⁵¹. Взгляд студента Пахарева и мемуариста Кочина на Мельникова дает представление о Мельникове-человеке.

---

⁵⁰ Фрагмент работы В.Т. Илларионова «Старообрядцы» (готовится к печати А.А. Кузнецовым, Т.А. Шарытиной, М.В. Потатиной).

⁵¹ Фрагмент работы В.Т. Илларионова «Избранные странички из истории Нижегородского краеведения» (готовится к печати А.А. Кузнецовым, Т.А. Шарытиной).

Подобное можно сказать и о Сергее Федоровиче Елеонском (1891–1960), выступающем в романе Кочина под фамилией Леонский (идентификация Н.Ю. Стоюхиной). Памятуя то, что он защитил Семена Пархарева на вступительном испытании, ожидаешь хвалёных эпитетов в адрес фольклориста. Вопреки ожиданиям, ему дается более критическая, нежели Архангельскому, характеристика. (Е)Леонский, «очень эрудированный», «влюбленный в свою науку», преподносил «ее мертво, по старинке, схоластически», не поднимая глаз от конспекта. Поэтому реакцией студентов были либо чтение романов, либо сон на лекциях. На зачетах фольклорист всегда ставил хорошую отметку, невзирая на то, как ему отвечал студент. Но студенчество уважало преподавателя за преданность своей науке, не любя его предмет⁵². Не имея возможности проверить эти сведения Кочина, с учётом того, что положительное впечатление от (Е)Леонского верно, есть основания принять их и обогатить портретную галерею пионеров высшей школы в Нижнем Новгороде. Можно почувствовать «нерв» живого человека за сухими строками биографии С.Ф. Елеонского: урожденный нижегородец окончил в 1916 г. историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен для подготовки к учёной степени по кафедре русского языка и словесности, открыл народную повесть XVIII в. «История о французском сыне»; Елеонский – автор историко-литературных и литературно-критических статей, готовил к изданию собрание русских сказок; преподавал в Нижегородском университете и учительском институте, часто отбывая в научные командировки в Москву, Казань, Пермь, Саратов и Уфу; сначала жил в Нижнем Новгороде, а в 1921 г. в селе Гнилицы, откуда добирался на службу на пароходах пригородного сообщения; после закрытия историко-филологического факультета университета он некоторое время преподавал в пединституте, как явствует из романа «Нижегородский откос», а затем переехал в Москву, где работал педагогическом институте; основные научные работы посвящены истории русской литературы XVII–XVIII вв. и отношениям с фольклором. В университете Елеонский читал курс народной словесности, историю русской литературы XVIII в., семинарий по М.Ю. Лермонтову и др.⁵³

В романе ряд страниц посвящен Валентину Николаевичу Бочкареву. Известно, что он начал преподавать в Нижнем Новгороде, когда там открылся народный университет. После 1917 г. он продолжил ра-

---

⁵² Кочин 2012. С. 47.

⁵³ Стоюхина 2011. С. 166–167, 226.

боту в университете и учительском институте. Переписывался с А.К. Кабановым⁵⁴, затем с его коллегой – С.И. Архангельским.

В.Н. Бочкарев (1880–1967), родом из Ярославля, окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1906 г. и был оставлен В.О. Ключевским на кафедре русской истории для научной работы. В 1915 г. защитил магистерскую диссертацию и стал выезжать на преподавательскую работу в Нижний Новгород⁵⁵. Естественно, он оказался в пединституте, где сблизился с Архангельским, годом позже окончившим историко-филологический факультет Московского университета. Свое пренебрежение ценностями нового строя Бочкарев не скрывал, а потому оказался фигурантом по «Академическому делу». В 1930 г. он был арестован в Москве и осужден на исправительные работы. Освободившись в 1932 г., в нижегородских (горьковских) вузах он более не преподавал.

Из художественно-мемуарного осмысления пребывания Бочкарева в Нижнем Новгороде следует, что он воспринимался студентами как кадет и соратник П.Н. Милюкова, который не желал перестраиваться. Отмечено, что Бочкарев был слепым и узнавал солнечный свет по теплу, радуясь ему, имел тонкий слух, что мог слышать даже тихую подсказку, и слуховую память на голоса⁵⁶. В общих чертах образ Бочкарева из романа соотносится с его образом из воспоминаний Н.И. Павленко: «ученик Ключевского профессор Валентин Николаевич Бочкарев. Это был колоритный персонаж: до революции его имя часто мелькало в газетах, поскольку он значился не рядовым членом кадетской партии. После войны профессор сохранил густой бас, но не больше пяти процентов зрения... Как лектор Валентин Николаевич был никаким: контакту со студенческой аудиторией мешало все то же отсутствие нормального зрения... Боясь пострадать за свое “милюковское” прошлое, Валентин Николаевич изо всех сил старался быть ортодоксальным марксистом, без конца цитируя бородатых классиков и педантично исполняя установленные на кафедре требования»⁵⁷. Иначе о Бочкареве начала 1960-х гг. пишет саратовский ученый Н.А. Троицкий: «Но из всех преподавателей МГПИ самое сильное впечатление произвел на меня профессор нашей кафедры Валентин Николаевич Бочкарев. Ученик великого В.О. Ключевского, авторитетный ученый

---

⁵⁴ О А.К. Кабанове см.: Кузнецов, Мельников, Пудалов 2006. С. 160–164; Кузнецов 2010. С. 172–179.

⁵⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 114. Л. 53.

⁵⁶ Кочин 2012. С. 243, 244, 246.

⁵⁷ Павленко Николай. 2011. С. 54.

еще с дореволюционных времен (был членом авторского коллектива знаменитого семитомника «Отечественная война и русское общество» вместе с В.И. Семевским, Н.И. Кареевым, М.И. Туган-Барановским, Е.В. Тарле и др.), Бочкарев казался мне живым памятником истории. Ему было уже 80 лет, он давно потерял зрение, но оставался удивительно бодрым. Его атлетическая фигура, юношеский темперамент, зычный голос, живописная речь незабываемы. А как он читал лекции! – мудро и зажигательно, с легкостью цитируя наизусть летописи, уложения, мемуары»⁵⁸. Как видим, историки Н.И. Павленко и Н.А. Троицкий дают полярное изображение В.Н. Бочкарева.

Однако между впечатлениями, оставленными Бочкаревым, более сорока лет. И, видимо, ни Н.И. Кочин, ни Н.И. Павленко, ни Н.А. Троицкий не знали, что В.Н. Бочкарев пострадал «за милюковское прошлое». Он провел время «в местах, не столь отдаленных», именно, за то, что не скрывал своей неприязни к Советской власти. Показательны замечания в адрес профессора В.Н. Бочкарева, прописанные в конце 1920-х гг. в заявлениях членов партии, работавших в пединституте: «Напр[имер], студенты политпросветочники «спасающиеся» любили приводить как довод слова проф. Бочкарева – «зачем держат это паразитическое отделение [политико-просветительское отделение]»? Студенты уверяли, что это им было сказано на лекции»⁵⁹. Думается, что классовое зрение исказило восприятие Кочиным Бочкарева: он не перестраивался и не скрывал своих взглядов до своего заключения.

Лентовский, опираясь на память и эрудицию, пытается убедить своего и Кочина читателя, что сцены романа с участием Бочкарева вымышлены. Увы, это не подлежит верификации. Зато ценны впечатления Лентовского: «Проф. Бочкарев два–три раза в году приезжал в институт для чтения лекций. Несмотря на свою слепоту, он прекрасно читал лекции. Большие знания, широкая научная эрудиция давали ему возможность всесторонне и обстоятельно разбирать исторические события и великолепно излагать их. Говорил он выразительно, уверенно и обладал всеми качествами ученого историка и трибуна. Документы, архивные материалы и цитаты приводил на память. Зачет по курсу принимал у студентов в одной из аудиторий нижнего этажа. Обычно двое студентов садились за стол, получали в устной форме вопросы и отвечали профессору, сидящему против них за этим же столом. По окончании ответа студент подавал профессору зачетную книжку, ука-

⁵⁸ Троицкий 2006. С. 60–61.

⁵⁹ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 40. Л. 33.

зывает пальцем, где надо расписаться, а затем в учебной части записывали зачет (без каких-либо оценок)» (Л. 17).

***

Рассмотрение художественного текста романа Н.И. Кочина как источника по истории науки и высшей в конкретном хронотопе – Нижний Новгород в 1920-е гг. – позволяет прийти к ожидаемым выводам. Художественное произведение, безусловно, является источником для истории науки и становления высшего образования в губернском городе в начале XX века, но при его использовании надо вносить поправку и на субъективность (как и в случае мемуаров), и на логику самого произведения, и замысел автора. Роман Кочина «Нижегородский откос» дает сведения о повседневной стороне жизни историков и гуманитариев, но в ряде случаев они сознательно искажены. И задача историков вместе с литературоведами состоит в том, чтобы силу и убедительность данного недостоверного текста превозмочь пропагандой результатов источниковедческого анализа. В противном случае картина прошлого науки будет существенно деформирована.

Субъективность романа Н.И. Кочина проявляется и в том, что его воспоминания ориентированы на конкретных людей – однокашников и преподавателей. Личные впечатления автора, претерпевшие определенную метаморфозу под влиянием процесса художественного творчества и, видимо, в связи с авторским желанием воздать героям прошлого по их заслугам, встретило протест со стороны А.М. Лентовского. Он, как прототип и как герой романа, участвовал в реальном процессе и в действии художественного произведения. Ни в той, ни в другой ипостаси реальный Лентовский не видел правды, даже ее толики. Отвергая Слово Кочина, Лентовский в ряде случаев привел свои впечатления от встреч с людьми, ставшими протипами героев «Нижегородского откоса». И в этих живых впечатлениях заключается ценность его строк для изучения становления высшей школы в Нижнем Новгороде.

Выявление и проверка на достоверность сведений, сталкивающихся в противопоставлении текстов Кочина и Лентовского, – неоспорное по процедуре и результатам исследование. Его корректировка возможна при привлечении иных источников – субъективных мемуарий о Бочкареве и Комаровиче, официальных документов ранней Советской эпохи, подверженных влиянию революционных идеологии и настроений. Реконструкция истории становления высшей школы в начале XX в. возможна и убедительна при условии соотнесения всего массива возможных источников. Такой банальный, в принципе, вывод подразумевает восстановление образов прошлого в их рельефной четкости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Кочин Н.И.* Нижегородский откос. Нижний Новгород: Литера, 2012. 344 с.
- Кочин Н.И.* Путь Савла. Повесть и другие произведения. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2007. 320 с.
- Не подводя итоги... Письмо профессора А.Я. Левина А.А. Кузнецову по поводу его статей, посвященных борьбе с космополитизмом в исторической науке г. Горького и биографии Н.П. Соколова (28.09.2011 г.) // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. 2011. Вып. 2. Нижний Новгород, 2011.
- Павленко Николай.* Воспоминания историка // Родина. 2011. № 10. С. 54–55.
- Троицкий Н.А.* Книга о любви (Записки историка). Саратов: Приволжское книжное издательство, 2006. 304 с.

Литература

- Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 928 с.
- Крюкова Т.А.* Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Т. XVI. М.–Л., 1960. С. 583–588.
- Кузнецов А.А.* Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 40. С. 269–270.
- Кузнецов А.А.* «Ошибки космополитического порядка налицо»: к истории одной идеологической кампании в городе Горьком // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. 2011. Вып. 2. Н. Новгород, 2011. С. 70–91.
- Кузнецов А.А.* С.И. Архангельский (1882–1958). Вехи научного пути // *Пирены Анри.* Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2009. С. 146–168.
- Кузнецов А.А.* Художественная литература как историографический источник (на примере романа Н.И. Кочина «Нижегородский откос») // Мир историка: историографический сборник. Вып. 8. Омск, 2013. С. 237–256.
- Кузнецов А.А.* Еще раз о биографии нижегородского архивиста А.К. Кабанова // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 172–179.
- Кузнецов А.А., Мельников А.В., Пудалов Б.М.* Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Новгород, 2006. С. 160–164.
- Кузьмичев И.К.* Николай Кочин. Очерк творчества. Горький: Волго-Вятское изд-во, 1972. 160 с.
- Молев Е.А.* Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. С. 3–33.
- Решетов А.М.* Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А. Крюковой // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 269–300.
- Сапон В.П.* Кутузов Михаил Николаевич (1883–1936) // Нижегородский государственный педагогический университет: этапы большого пути. 1911–2011. Нижний Новгород, 2011а. С. 120–121.

- Сапон В.П. «Рассадник учительской нивы» (1911–1917 гг.); Новый вуз в новом обществе (1917–1929 гг.) // Век на педагогической ниве. К 100-летию юбилею НГПУ. Нижний Новгород, 2011б. С. 5–55.
- Сиренов А.В. Главная книга В.Л. Комаровича // *Комарович В.Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 5–14.
- Стариченкова Е.Д. Константиновские дали // Нижегородский музей. Человек. Культура. Общество. 2011. № 22. С. 7–23.
- Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. СПб.: Любавич, 2011. 234 с.
- Шамиурин В.А. Кочинская стезя // *Кочин Н.И.* Нижегородский откос. Нижний Новгород, 2012. С. 5–14.
- Экитут С.А. Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетей, 2003. С. 108–139.

BIBLIOGRAFIJA

- Kochin N.I. Nizhegorodskij otkos. Nizhnij Novgorod: Litera, 2012. 344 s.
- Kochin N.I. Put' Savla. Povest' i drugie proizvedenija. Nizhnij Novgorod: Djat-lovy gory, 2007. 320 s.
- Ne podvodja itogi... Pis'mo professora A.Ja. Levina A.A. Kuznecovu po povodu ego statej, posvjashhennyh bor'be s kosmopolitizmom v istoricheskoj nauke g. Gor'kogo i biografii N.P. Sokolova (28.09.2011 g.) // Al'manah po istorii srednih vekov i ranego novogo vremeni. 2011. Vyp. 2. Nizhnij Novgorod, 2011.
- Pavlenko Nikolaj. Vospominanja istorika // Rodina. 2011. № 10. S. 54–55.
- Troickij N.A. Kniga o ljubvi (Zapiski istorika). Saratov: Privolzhsкое knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 304 s.
- Vovina-Lebedeva V.G. Shkoly issledovanija russkih letopisej: XIX–XX vv. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2011. 928 s.
- Krjukova T.A. Hronologicheskij spisok trudov Vasilija Leonidovicha Komarovicha // Trudy otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Push-kinskij Dom) AN SSSR. T. XVI. M.–L., 1960. S. 583–588.
- Kuznecov A.A. Novye fakty biografii S.I. Arhangel'skogo // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2012. Vyp. 40. S. 269–270.
- Kuznecov A.A. «Oshibki kosmopoliticheskogo porjadka nalico»: k istorii odnoj ideologicheskoy kampanii v gorode Gor'kom // Al'manah po istorii srednih vekov i ranego novogo vremeni. 2011. Vyp. 2. N. Novgorod, 2011. S. 70–91.
- Kuznecov A.A. S.I. Arhangel'skij (1882–1958). Vehi nauchnogo puti // Pirenn Anri. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie trgovli / Per. s angl. S.I. Arhangel'skogo. Nizhnij Novgorod, 2009. S. 146–168.
- Kuznecov A.A. Hudozhestvennaja literatura kak istoriograficheskij istochnik (na primere romana N.I. Kochina «Nizhegorodskij otkos») // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 8. Omsk, 2013. S. 237–256.
- Kuznecov A.A. Eshhe raz o biografii nizhegorodskogo arhivista A.K. Kabanova // Materialy V Nizhegorodskoj mezhtregional'noj arhivovedcheskoj konferencii. Nizhnij Novgorod, 2010. S. 172–179.
- Kuznecov A.A., Mel'nikov A.V., Pudalov B.M. Novye dannye o sud'be nizhegorodskogo istorika A.K. Kabanova // Materialy II Nizhegorodskoj arhivovedcheskoj konferencii. Novgorod, 2006. S. 160–164.

- Kuz'michev I.K. Nikolaj Kochin. Oчерk tvorчestva. Gor'kij: Volgo-Vjatskoe izd-vo, 1972. 160 s.
- Molev E.A. Istoricheskiy fakul'tet Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universite-ta im. N.I. Lobachevskogo v proshlom i nastojashhem // Istoricheskaja nauka v Nizhegorodskom gosudarstvennom universitete im. N.I. Lobachevskogo. Nizhniy Novgorod, 2006. S. 3–33.
- Reshetov A.M. Ternistiy put' k jetnografii i muzeju: stranyцы zhizni T.A. Krjukovoj // Repressirovannye jetnografy. Vyp. 2. M., 2003. S. 269–300.
- Sapon V.P. Kutuzov Mihail Nikolaevich (1883–1936) // Nizhegorodskij gosudarstvennyy pedagogicheskij universitet: jetapy bol'shogo puti. 1911–2011. Nizhniy Novgorod, 2011a. S. 120–121.
- Sapon V.P. «Rassadnik uchitel'skoj nivы» (1911–1917 gg.); Novyj vuz v novom obshhestve (1917–1929 gg.) // Vek na pedagogicheskoy nive. K 100-letnemu jubileju NGPU. Nizhniy Novgorod, 2011b. S. 5–55.
- Sirenov A.V. Glavnaja kniga V.L. Komarovicha // Komarovich V.L. Kitezhszkaja legenda. Opyt izuchenija mestnyh legend. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2013. S. 5–14.
- Starichenkova E.D. Konstantinovskie dali // Nizhegorodskij muzej. Chelovek. Kul'tura. Obshhestvo. 2011. № 22. S. 7–23.
- Stojuhina N.Ju. Gumanitarnoe obrazovanie v provincii. Nizhegorodskij univer-sitet v pervye gody sovetskoj vlasti. SPb.: Ljubavich, 2011. 234 s.
- Shamshurin V.A. Kochinskaja stezja // Kochin N.I. Nizhegorodskij otkos. Nizhniy Novgorod, 2012. S. 5–14.
- Jekshtut S.A. Bitvy za hram Mnemoziny: Oчерki intellektual'noj istorii. SPb.: Aletejja, 2003. S. 108–139.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, зав.кафедрой истории средневековых цивилизаций, проректор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; nalbuz@mail.ru

The novel “Nizhegorodsky otkos” by N.I. Kochin’s:

A source on the history of science and the higher school in Nizhny Novgorod

Article is devoted to the use of fiction as historical source on history of the higher school. The novel "The Nizhny Novgorod slope" by N. I. Kochin's is under discussion. The novel reflects the life of the higher school in Nizhny Novgorod in the 1920s and presents images of professors and teachers of Nizhny Novgorod institute and university. The problem of reliability of testimonies of the novel is addressed in the article. The author concludes that the novel by Kochin offers some information on the everyday life of historians and scholars in humanities but in some cases, this information is consciously distorted. The task of historians and the historians of literature is to refute the persuasive force of this unreliable text with the propaganda of the results of historiographical analysis, otherwise the image of the past of historical discipline would suffer a serious deformation.

Keywords: N.I. Kochin, historical source, fiction, Nizhny Novgorod teacher training college, Nizhny Novgorod university, V.L. Komarovich, S.I. Arkhangelsky, V.N. Bochkaryov.

Kuznetsov Andrey Aleksandrovich, Dr.Sc. (History), Associate professor, Head of the Department of the History of medieval civilizations, Deputy-Rector of the N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod; nalbuz@mail.ru